

ГРАФ БРАНКОВИЧ И ДРАКУЛА ВОЕВОДА

(Джордже Бранкович. Славяносербские хроники / Изд. подг. А. Г. Кречмер. Белград, 2011.

Отделение языка и литературы. Критические издания сербских писателей.

Т. VIII. 544 с.¹)

Восьмой том академической серии «Критические издания сербских писателей» продолжает издание «Славяносербских хроник» Джордже Бранковича.

Граф Джордже (Георгий) Бранкович (1645–1711) хорошо известен специалистам (в 1911 г. вышла посвященная ему монография Й. Радоница). Представитель знатного рода, потомок сербских деспотов, младший брат трансильванского митрополита Савы (в XX в. канонизирован Румынской православной церковью), он был заметным государственным деятелем. Участвовал в освободительной борьбе балканских народов, активизировавшейся в последней трети XVII в., претендовал на роль правителя вассального сербского государства, которое намеревалась воссоздать Австрия, но ситуация изменилась, Бранкович был арестован австрийскими властями и скончался в чешском городе Хебе. (В свите старшего брата Бранкович при царе Алексее Михайловиче посещал Москву, позднее контактировал с русскими дипломатами.)

Известно также, что на склоне лет, будучи насильственно отлучен от политики, Бранкович составил «Славяносербские хроники». Этот монументальный труд регулярно удостаивался краткой характеристики в историко-литературных обзорах, однако публикуется сейчас впервые. Издание подготовила лингвист А. Г. Кречмер (работает в Венском университете). По словам ученого, информацией о хронике она обязана учителю — академику Н. И. Толстому, который указал ей список памятника, хранящийся в Библиотеке сербской патриархии. Издание рассчитано на пять томов. В первый том (Белград, 2008) вошли первые три книги хроники. Здесь Бранкович излагает легенду о происхождении славян, повествует о государственной и церковной истории Византии со времен императора Константина Великого, о миссии Кирилла и Мефодия, об истории сербов при династии Неманичей. Второй том, о котором идет речь, содержит четвертую книгу, где подробно описаны события последней трети XIV — первой трети XVI в. — покорение турками Балкан. Планируется, что в третьем и четвертом томах будет представлена финальная пятая книга, а в последнем томе — научное исследование хроники. Так что пока остается ограничиться аннотирующими, предварительными соображениями.

«Славяносербские хроники» не просто очередной исторический источник, но поистине выдающийся памятник славянской словесности. Во-первых, замечателен язык хроники — экзотический вариант церковнославянского языка, требующий специального скрупулезного изучения. Во-вторых, историческое повествование часто перемежается обстоятельными экскурсами в различные области знания: географию, генеалогию, богословие, лингвистику. В-третьих, Бранкович ссылается на источники, из которых почерпнул факты, достигая эффекта историографической объемности. В-четвертых, в центре внимания писателя-политика (по крайней мере, в четвертой книге) не столько история какого-либо государства, сколько магистральный исторический сюжет — роковое противостояние с турками, что, к сожалению, обуславливает отсутствие интереса к России, но позволяет создать свободную от национальной фрагментарности картину балканской трагедии. В-пятых, Бранкович — при ясной конфессиональной позиции — далек от провиденциальной интерпретации фактов, сосредоточившись, напротив, на достаточно прагматическом установлении причинно-следственных связей.

¹ Издание имеет титул на сербском и русском языках.

Как иллюстрацию исторического метода Бранковича соблазнительно привести его версию истории пресловутого Дракулы — валашского воеводы Влада Дракуловича. Для автора «Славяносербских хроник» история Валахии — эпизод в борьбе с турецкой агрессией. Бранкович точно ориентируется в запутанных интригах, которые плели «подсизивающие» друг друга воеводы, вынужденные маневрировать между католической Венгрией и мусульманской Турцией; симпатии писателя, бесспорно, на стороне тех воевод, которые выбирали войну с Турцией, что, впрочем, отнюдь не делает автора венгерским апологетом. Так, Бранкович подчеркивает отвагу и мудрость отца Дракулы — воеводы Влада Дракула, который отличался «правдою великою и праведным разсуждением» (С. 138), который в союзе с польско-венгерским королем Владиславом Ягеллоном выступил против турецкого султана, но в то же время тщетно удерживал безрассудного короля от недооценки врага; прогноз сбылся, король под Варной потерпел сокрушительное поражение и погиб, венгерский же полководец Янош Хуньяди «неподобно» (С. 167) обезглавил воеводу.

Отношение Бранковича к самому Дракуле более сложное. Сербский хронист не восстанавливает перипетии долгой борьбы воеводы за валашский престол (в 1448, 1456—1462 и в 1476 г.²), но, опираясь на А. Бонфини — итальянского историографа Венгрии, вписывает деяния Дракулы в магистральный сюжет турецкой войны. Бранкович сообщает, что Дракула захватил власть благодаря венгерской поддержке, а спустя некоторое время был заключен в темницу королем Матьяшем Корвином (сын Яноша Хуньяди), так как «землю себе присвоити не возмогаше» (С. 245). Однако в другом месте Бранкович указывает другие причины заключения Дракулы: по наущению «ветхого Рима» король задумал сомнительный поход на гуситскую Чехию, потому решил замирился с Турцией и устранить Дракулу — «Турком велми грознаго супостата» (С. 253). Наконец, Бранкович объясняет коварный поступок короля Матьяша и моральными мотивами — «неуслышанным немилосердием» и «неправдою» Дракулы, приводя дежурные «анекдоты»: как валашский воевода прибывал гвоздями шапки к турецким головам, как жег нищих, как пировал среди казненных. В итоге фигура Дракулы получила двойственное освещение. С одной стороны, храбрый воитель и, возможно, жертва венгерских интриг, с другой — лютый злодей. Эта двойственность выражается и в интерпретации имени воеводы. С одной стороны, Бранкович называет его «Дракулович», адекватно передавая значение румынского слова «Дракула» — «сын того, кого именуют Дракулом», с другой — предлагает (как и анонимный автор древнерусского Сказания) inferнальный перевод — «дьявол» и «дракон», что знаменует «жестокосердие» воеводы (С. 358).

Проблема, по-видимому, заключается в том, что персонаж по имени Дракула функционирует в двойной нарратологической перспективе: как историческое лицо — в линейно-прагматической перспективе, как фольклорный герой — в кумулятивно-мифогенной перспективе³. Разрешая эту общую проблему, авторы старинных «дракулических» текстов могли прибегать к различным стратегиям: если, например, древнерусский составитель Сказания пожертвовал историей ради анекдота, то Бранкович удачно подчинил анекдот истории, хотя и сохранил в тексте — вольно или невольно — энергетику легенды.

² В примечаниях даты указаны неточно: 1452—1462 г. См. классическую монографию о Владе Дракуле: *Florescu R., McNally R. Dracula: A Biography of Vlad the Impaler, 1431—1476.* N. Y., 1973.

³ Михайлова Т. А., Одесский М. П. Граф Дракула: опыт описания. М., 2009. С. 63—65.